

ЗА РОДИНУ

Порабощение личности

А. Бестужев

Отношения личности и государства всегда были острым вопросом человеческого общества. В истории неоднократно бывали случаи, когда личный интерес не совпадал и даже противоречил интересу социальному или национальному.

Буржуазная демократия с ее демократическими лозунгами — «свобода, равенство и братство» — оказалась бессильной разрешить противоречие между личным и общим.

Общественный характер производства и частный характер потребления составляют органический порок капиталистического способа производства. Свобода частных интересов плутократов - капиталистов ведет не только к эксплуатации трудящихся слоев населения, но и наносит ущерб национальным и государственным интересам.

Марксисты, спекулируя на порочных противоречиях капиталистической экономики и буржуазно-демократической политики, сулили рабочим «золотые горы», после революционной ломки старого общественного порядка.

В России большевики оказались тем отрядом марксистов, которому удалось от слов перейти к делу и начать проводить в жизнь идеи «Коммунистического манифеста» и «Капитала». Однако, практика большевиков полностью дискредитировала их марксистскую теорию. Рабочие, крестьяне и интеллигенция в СССР жили не только не лучше, но неизмеримо хуже, чем трудящиеся капиталистических стран. Помимо материальной нужды, они испытывали и продолжают испытывать невыносимый духовный и политический гнет со стороны правящей партийной клики. Чем это объяснить?

Причина идеологического и материального банкротства большевистской системы объясняется тем, что сталинцы, в свою очередь, не дали удовлетворительного решения вопроса о личном и общественном. Если в буржуазных странах предельная экономическая свобода привела к свободе эксплуатации, то в советском «раю» еще более свирепая эксплуатация явилась следствием не свободы, а полнейшего уничтожения частной инициативы.

Свирепый Молох — вот каким выступало советское общество перед каждым отдельным своим гражданином. Труд и счастье целого поколения были принесены сталинскими подручными в жертву пятилеткам и колхозам. Что значила судьба отдельных людей, когда перед воспаленными глазами красных идеологов носились заманчивые перспективы «счастливой» жизни для наших внуков и правнуков. Во имя этого проблематичного счастья будущих поколений и вполне реального всешурного благополучия современных партийных плантаторов, трудящихся СССР лишали элементарных человеческих прав, обрекали на скотское существование, вечное недоедание и страх. На страже интересов советского строя стояли садисты и преступники из НКВД, систематически уничтожавшие лучшие и наиболее смелые слои народа, пытавшиеся протестовать против бредовых опытов кремлевских политиков.

Большевики равнодушно обрекали миллионы людей на рабство, одинокие и гибель во имя своих псевдо-общественных и псевдо-государственных интересов. Говорим, «псевдо» потому, что совершенно очевидно, что при таком подходе к людям страдали не только «личности», но и само «общество». Ведь государство неотделимо от народа, если больны отдельные члены, значит, болен и весь организм. Общество не может развиваться нормально, если составляющие его граждане обречены служить навозом истории, сведены на положение механических роботов.

Большевики призывали всех жертвовать собою для общества, для социализма. Но, в действительности, жертвы, истово приносившиеся нашим народом, шли на пользу не обществу, а господствующему, а зем-

Житомир в руках немцев

При успешном контрнаступлении у Киева взято много пленных и захвачена богатая военная добыча

Главная ставка Фюрера, 20 ноября.

Верховное командование германскими вооруженными силами сообщает:

В большой излучине Днепра и у Черкасс велись бои лишь местного характера.

В районе Киева германские дивизии, поведшие контрнаступление, успешно продвинулись вперед, несмотря на сопротивление неприятеля, неблагоприятную погоду и трудно проходимую местность. Несколько яростных советских отводных натисков успеха не имели. Город Житомир, захваченный неприятельскими силами несколько дней тому назад, был окружен германскими войсками и взят ими штурмом. В городе и при очистке отбитой территории в руки немцев попали многочисленные пленные и богатые трофеи.

У Гомеля вчера продолжались ожесточенные бои. Юго-западная часть города еще продолжают упорные бои, а северо-восточная его отражены все советские попытки прорыва, предпринятые при поддержке штурмовой авиации. Местные вклинения очищены германскими контрдровами.

К западу и к северо-западу от Смоленска советские войска вели атаки с помощью свежих подвезенных крупных сил, однако, повсюду были отбиты. Частично неприятельские атаки были разбиты концентриро-

ванным огнем германского оборонительного фронта.

В районе вклинения к юго-западу от Невеля отмечены оживленные бои местного значения.

На южно-италийском фронте — оживленная обоюдосторонняя деятельность артиллерии и разведывательные операции. Германские войска, благодаря удачной операции ударных отрядов, улучшили свои позиции юго-западнее Миньяно.

В восточной части Средиземного моря германская авиация атаковала соединение

неприятельского военного флота и прямым попаданием бомб тяжело повредила один крейсер и один эсминец.

Соединения неприятельской авиации в течение дня появлялись у западной границы Германии, а ночью над западными германскими областями. Сброшенные бомбы нанесли ущерб и потери. При этом сбиты семь неприятельских самолетов, два других сбиты над Атлантическим океаном.

Германские самолеты прошлой ночью снова атаковали отдельные цели в районе Лондона.

Истощение советских резервов

Результат сталинской тактики

Берлин, 22 ноября

Среди красноармейцев, за последнее время взятых в плен германскими войсками, резко растет процент представителей народов Азии. Часто бывает, что жители европейской части Советского Союза находятся в подавляющем меньшинстве. Этот факт ярко свидетельствует о том, как истощаются людские резервы СССР в кровопролитной войне, спровоцированной Сталиным.

В областях, эвакуированных германскими войсками, советские власти немеленно мобилизуют всех мужчин, вплоть до стариков.

Из этого видно, что излюбленное большевистское утверждение о превосходстве людских масс и материала — пустой агитационный трюк.

В этом отношении работает на пользу Германии. Большевики вынуждены бросать в бой массы гражданского населения, подростков и стариков, чтобы добиться хоть какого-либо результата, германское же командование, осторожно обращаясь со своими резервами, бережет свои силы для будущих битв, создавая этим твердую основу для полной победы.

Гонят назад в колхоз

Берлин, 22 ноября.

Многочисленные военнопленные из 132-ой советской стрелковой дивизии и 7-го кавалерийского полка показали, что советские власти, наряду со страшным террором против гражданского населения в областях, эвакуированных германскими войсками, принимают срочные меры для немедленного восстановления колхозной системы.

У крестьян отчуждается наделенная им немцами земля, а сами крестьяне превращаются в колхозных рабов, поскольку они не направляются в штрафные роты.

Военнопленный советский сержант Владимир К., из Вировки, под Копотопом, рассказывает, что большевики, в первую очередь, отнимают у крестьян весь скот и запасы зерна. Реквизируется также домашняя птица и козы; лошадей забирают для нужд армии. Зерно увозят даже в тех случаях, когда оно не обмолочено. Женщин и детей угоняют в неизвестном направлении или же принуждают к непосильному труду.

Крестьянство в советской кабале

Большевики жестоко эксплуатируют русскую деревню

Прожженные большевистские политики не гнушаются никакой ложью. Чего стоит, например, такая очередная ложь передовой «Правды» за 12 ноября, озаглавленная «Патриотизм колхозного крестьянства»!

С каких это пор русский крестьянин, революционер и дубинный загнанный в колхоз, работающий там под надзором приставленных советских блюдолизов, стал патриотом? Когда, в какие времена раб оправдывал рабство? Кто, кроме московской «Правды», осмелился бы сказать подобное?

Кому не известны методы советских заправил, беспощадно истребляющих русское

крестьянство? Кто не помнит, как честных тружеников отрывали от земли, и, ограбив все их добро, угоняли самих в далекую Сибирь, на Урал, в Казахстан, на холодное и голодное прозябание, на смерть? Каждый крестьянин из освобожденных от большевизма областей помнит, как русский крестьянин под игом Сталина лишался земли, скота, сельскохозяйственных орудий и машин, превращался в бесправного раба, не смеющего даже самому близкому поведать о своем горе, боясь возмездия от «стража революции» — НКВД.

Только московские политики такое безжалостное обращение с крестьянством могут назвать «идеальным разрешением всех вопросов крестьянства». Только у них бесправие и рабство подневольных и всегда подназорных рабочих и крестьян может считаться «счастливой жизнью» в советском «раю», под «солнцем сталинской конституции».

Да, мы знаем цену всему, и ничему не удивляемся.

«То обстоятельство, — говорится в «Правде», — что крестьянство существует по сей день, — является доказательством силы и жизнеспособности колхозного строя».

Не прямое ли это издевательство над бедными, замученными крестьянами, над оставшимися теперь в деревнях женщинами и детьми? «Правда» имеет наглость заявлять, что «советская родина — их заботливая любящая мать! Она их (крестьян) освободила! Подарила им зажиточную и культурную жизнь! Крестьяне сами перестроили свою родину в колхозную державу! Колхозы — основа материального благополучия крестьян!»

Нам, умеющим разбираться в подобных выкриках, сразу становится ясным, что за этим кроется новый поход на крестьян. И мы не ошиблись. Колхозный строй представляет для большевиков удобное средство для использования деревни. Скованный по рукам и ногам беспаспортный крестьянин вынужден повиноваться.

Потоплено советское военное судно

Берлин, 22 ноября.

Восемь советских дозорных судов и минных тральщиков, после долгого перерыва, снова пытались прорваться к германскому минному заграждению на Финском заливе. Однако, они были своевременно обнаружены и обстреляны германскими береговыми батареями.

Одно советское судно потоплено; другому, несмотря на тяжелые повреждения, удалось спастись бегством под покровом искусственного тумана.

Бадольевцы ипитулируют

Берлин, 22 ноября

Германские войска высадили десант на островах Додеканезского архипелага и заняли четыре острова. Бадольевский гарнизон капитулировал без боя.

Многие офицеры войск Бадолье добровольно перешли на немецкую сторону и передали в руки германских войск материалы, свидетельствующие о намерениях англичан.

Нокс в беде

Стокгольм, 22 ноября

Ввиду настоящих требований американской общественности — сказать правду о военных событиях, американское морское министерство начало постепенно и, разумеется, весьма скудно признавать потери флота США у Буенвилья.

Нокс признал потерю двух эсминцев и крейсера «Норсгемптон» (9050 тонн). Следует полагать, что он, время от времени, примет мелкими взносами будет сообщать и о других потерях.

Германское верховное командование сообщает об успешных немецких контрдровах на среднем участке восточного фронта. Во многих местах большевики отброшены назад. На снимке — германские солдаты в надувных лодках форсируют реку в районе Житомира.

партийному и около-партийному слою. Заботясь на словах о благе общества, всякие привилегированные араны, проф-бюрократы и парт-проходимцы пеклись единственно о собственном кармане и об укреплении своей власти над эксплуатируемым ими народом.

Только свержение большевизма, чего бы оно не стоило, может уничтожить в нашей стране роковую пропасть между обществом и гражданами. Нормальное и справедливое развитие хозяйственной и политической жизни возможно только в условиях гармонического примирения начала личного и общественного. Только тогда каждый честный труженик сможет действительно радоваться результатам своего труда, сможет считать себя не рабом, а хозяином в род-

ной стране. А гармония «своего» и «чужого», личного и общего, в свою очередь, зависит от степени участия самого народа в управлении государством и в организации национальной и хозяйственной жизни.

Там, где народ отрешен от участия в национальной жизни, там, где общественная работа превращена в холуйское выполнение заданий ближайшего партийного начальства, там не может быть и речи о единстве частных и государственных интересов. Свобода, свобода личной инициативы — только таким путем можно добиться для трудовых масс достойных их условий существования. Все, что стоит поперек этого пути, должны быть сметены. Кто борется за этот путь нашего национального развития — победит.

Советская агитация, распространяя ложные слухи, пытается обмануть русских людей, освобожденных от ига большевизма. Русский народ, 26 лет изнывавший под властью поработителей, больше не даст себя одурачить. Всякий ложный слух — дробит наши силы. Тот, кто его распространяет — враг возрождения России и нашего народа.

Эксплуатация Донбасса невозможна

Осушение шахт потребовало бы десяти лет

Стокгольм, 22 ноября.

Большевистская печать поместила обзор советского специалиста Ломова о восстановлении Донецкого бассейна. В статье сказано, что в затопленных немцами шахтах Донбасса находится около 300 миллионов кубометров воды. Чтобы осушить шахты, из них придется выкачать целое озеро, длиной в 30 километров, шириной в пять километров и глубиной в два метра. Без этого гигантского труда восстановление шахт невозможно.

Для сравнения Ломов указывает, что во время прошлой мировой войны немцы затопили шахты у Па де Кале, в которых оказалось 110 миллионов кубометров воды. Эти шахты удалось осушить лишь после трех лет упорного труда. Работая тем же темпом советскому правительству на осушение донецких шахт пришлось бы затратить десять лет.

Выводы советского «специалиста» заслуживают большого внимания.

Во вчерашнем номере «За Родину» мы привели выдержки из передовой статьи московской «Правды», появившейся в большевистском органе до опубликования мрачных прогнозов Ломова.

Теперь ясно, почему «Правда» была вынуждена признать нерадивость советских заводов в деле возрождения южной металлургии. Советские хозяйственники об экономических возможностях СССР и непреодолимых затруднениях в случае реализации планов восстановления Донецкого бассейна — осведомлены достаточно хорошо. Они отлично понимают, что для осушения шахт Донбасса требуется колоссальный срок в десятки тысяч рабочих.

Время не работает на пользу большевиков, а что касается рабочей силы, то в этом отношении Советский Союз переживает острейший кризис.

Американцы теряют надежду

Стокгольм, 22 ноября
Американский министр финансов, Генри Моргентау заявил, что германские солдаты, попавшие за последнее время в плен на итальянском фронте, глубоко уверены в окончательной победе Германии.

Они преисполнены также глубокой веры в Фюрера, без которого вообще не могут себе представить жизнь немецкого народа. Поэтому Моргентау предостерегает американцев от иллюзий на легкую победу.

Умберто метит в резиновые короли

Мадрид, 22 ноября.
Иа Гибралтара сообщают, что итальянский экспрестолонаследник Умберто, в случае отречения своего отца — предателя Виктора Эммануила от престола, намерен переехать в Америку. Умберто открыл крупный банковый счет в Нью-Йорке и думает заняться резиновой промышленностью. Он уже вступил в переговоры с представителями Рузвельта о покупке крупных каучуковых плантаций в Бразилии.

Чтобы, на всякий случай, располагать достаточными средствами, Умберто присвоил часть королевских драгоценностей. По этому поводу между сыном и отцом произошла ссора, во время которой коронованный папаша заявил своему не чистому на руку отпрыску, что тот его попросту обокрал.

Сменил корону на ренкаму

Стокгольм, 22 ноября
Румынский экс-король Кароль англо-американским плутократом предложил свои услуги. Последние бросили своему наймиту кость, в виде должности в рекламном предприятии за 35.000 долларов в год.

Похищено 5 килограммов золота

Стокгольм, 22 ноября
Вся стокгольмская печать помещает подробные сообщения о сенсационной краже, происшедшей в плавильном цехе известного шведского акционерного общества Бюланд. Из плавильного цеха, охранявшегося необычайно строго, похищено пять килограммов чистого золота.

Чан-Кай-Ши мечется

Безнадежное положение Чунцинского Китая

На состоявшейся вчера для тому назавчера в Квебеке Рузвельт заявил: «Чунцинский Китай не забыт! Наоборот, он именно теперь выступает на передний план».

По этому поводу одна из чунцинских газет жалует, что рузвельтовское заявление содержит, к сожалению, лишь ту несомненную истину, что в данное время чунцинский Китай ни в коем случае не находится на переднем плане. Выдвинуться вперед собственными силами он не в состоянии, а столь часто обещанная помощь союзников пока ничем себя не проявила, если не считать «подчеркнуто суетливой деятельности» нескольких американских летчиков в Китае.

О причинах, повергших Чунцин в бездну забвения, довольно открыто пишет лондонская газета «Таймс»: «Союзникам до настоящего времени не удалось добиться такого положения, которое дало бы им возможность освободить изолированный Чунцин и сделать его конкретным военным фактором в наших рядах». Подразумевается при этом, главным образом, Бирма, «потери которой в прошлом году уявила Англию в самое болезненное место».

Правда, в связи с пополнением в Индии всех сухопутных, морских и воздушных сил свежими резервами и с переменой командного состава, в Лондоне начали поговаривать о новых крупных операциях, но и на этот раз воздерживаются от преждевременных провозглашений.

ПОЧЕМУ ОНИ ПЕРЕБЕЖАЛИ

Большевики не сумели одурачить польских солдат

Как уже сообщалось, на среднем участке восточного фронта впервые была введена в бой польская дивизия, сформированная большевиками. Части дивизии, брошенные на передовые позиции, в полном составе перебежали на сторону немцев. Показания перебежчиков дают потрясающую картину обращения большевиков с польскими солдатами.

Сержант Поплавский рассказывает: «Когда большевики в 1939 году в Польше заняли наш город, я несколько дней скрывался, но встреченный мною случайно красноармеец сказал, что мне нечего опасаться. Я вернулся домой и вскоре был арестован. Меня обвинили в укрывательстве польских партизан и склепке оружия. Во время следствия мне дали в нос воду и я около двух часов голый должен был стоять в воде».

Высланных поляков, по приговору суда, а большей частью без такового, отправляли в концлагеря на принудительные работы, где многие умерли от лишений, физического истощения и голода.

Некоторые пленные рассказывают, что в среднем умирало около 50 процентов заключенных, так как только немногие были в состоянии выполнять каторжные трудовые нормы. Кто не выполнял норм, должен был довольствоваться лишь третью и без того недостаточного хлебного пайка.

В начале 1943 года, большевики, желая продемонстрировать свою «благосклонную» точку зрения в польском вопросе, сформировали польскую дивизию, в насмешку названную именем польского патриота Тадеуша Костюшко.

Из сосланных польских подданных, избежавших резни в стиле катынского массового убийства или смерти от голода и холода в концлагерях, военкоматы стали срочно отбирать людей, годных для строевой службы. Большевики организовали дивизию по советскому образцу со всеми политотделами и спецотделами, носящими лишь несколько замаскированных названия.

Перебежчик Николай Литавер рассказывает:

«Я жил в Польше. Хотя я по национальности и белорус, но мне сказали, что я должен вступить в армию, так как я польский подданный и знаю польский язык. — «Подпиши свое заявление в добровольцы» — сказали мне. А как же мне не подписать, если за всем этим стоит НКВД, угрожающий посадить в тюрьму всех несогласных». «Нам сказали, что нас бросят в бой лишь у польской границы», — говорит Максим Кишко. — До этого мы должны были оставаться на третьей оборонительной линии. Воевать нам совсем не хотелось. Кроме того, нам не особенно доверяли. Но когда большевики понесли крупные потери, то и мы оказались достаточно хорошим пушечным мясом».

«Когда был дан приказ наступлению, никто из нас даже не высунулся из окопов. Тогда еврейские комиссары и их подручные по нам открыли огонь. Мой сосед был убит. Я видел, что многие из наших побежали к немецким позициям и решил, что пора бежать и мне, пока большевики всех не прикончили. Я спрятался в яме, выждав прибли-

жения немцев и отдал им свой пулемет. Лейтенант Кидава рассказал, что присяга принималась на верность польскому народу. Дивизионное знамя было польских национальных цветов, но без государственного герба.

На вопрос, — почему так много поляков перебежало, — Кидава заявил, что его солдаты, ознакомившись с Советским Союзом, нуждой и голодом в концлагерях и издевательским обращением большевистских властей, не питали никаких симпатий к Польше под эгидой Сталина.

Полякам было также известно о катынских злодеяниях большевиков. Когда они находились под Смоленском, то замполит комбата, поляк из Вильны, намекая, что в окрестных лесах, по приказу советских властей, убито 12.000 польских офицеров.

В этом никто из поляков не сомневался. Все они на собственном теле испытали советские методы и ждали лишь первой возможности перехода к немцам, чтобы вырваться из страшной коллективной тюрьмы, именуемой СССР. Б. Шатов.

Пойманы с поличным

Английский налет на шведский город

Стокгольм, 22 ноября.

Ночью на шведский университетский город Лунд самолетом неизвестной национальности были сброшены бомбы, вызвавшие значительные разрушения. Немедленно начато расследование по осколкам обнаружено, что бомбы англо-американского происхождения. Когда же недалеко от города были найдены остатки разбившегося английского самолета, сомнения в новом нарушении шведского нейтралитета со стороны Англии больше не было.

Англичане сперва пытались свалить вину на Германию, заявив, что самолет был немецким. Однако, под давлением неопровержимых доказательств они потом подтвердили принадлежность самолета к английской

авиации и высказали по этому поводу свое «соболезнование». Согласно официальному английскому сообщению, самолет, разумеется, совершенно «заблудился».

Сколько раз уже Англия высказывала свое «соболезнование», чтобы следующей ночью снова нарушить нейтралитет чужой страны!

Нарушение шведского нейтралитета

Стокгольм, 22 ноября

Согласно официальному сообщению штаба шведской армии, 18 ноября под вечер над шведской территорией появились три американских самолета типа «Либертор». Двум из них пришлось совершить вынужденную посадку в районе Эребро, а третьему в Толгеттена. Один самолет при посадке сгорел.

Лондон о воздушном терроре

Женева, 22 ноября.

Лондонский еженедельник «Трибюн» признает, что попытка англо-американцев — разрешить исход войны одним только воздушным террором — постигла полная неудача.

Становится все яснее, что ущерб, нанесенный германской военной промышленностью воздушной войной, далеко недостаточен, чтобы выиграть хотя бы незначительное сражение на фронте.

Повидимому, — заключает еженедельник, — приверженцы воздушной войны сильно переоценили действия бомб на гражданское население и недооценили стойкость немецкого народа.

Отчуждение земли у англичан

Стокгольм, 22 ноября

Командование американскими войсками, расположенными в Англии, заявило, что предостит срочное отчуждение земельных владений у 3.000 английских крестьян, так как эта территория необходима американским войскам для военно-полевых занятий. Крестьянам и их семьям, разумеется, не легко покинуть насиженные места. Английская общественность об этом до сих пор еще не информирована. В Лондоне старается факт отчуждения вообще скрыть.

Речь идет о «демократизации» чунцинского государства и превращении маршала Чан-Кай-Ши в диктатора в «президента» по северно-американскому образцу.

Газета «Чикаго Дэйли Ньюс» более чем ясно определяет англо-американскую оценку положения в чунцинском Китае заголовком своей статьи — «Появился забытый». Однако, никакой демократизацией своего государства, даже причевав все китайское население на англо-американский манер, Чан-Кай-Ши не уласть добиться помощи от союзников. Плутотократы с вежливой радостью примут к сведению избрание президента, но в остальном оставят чунцинский Китай в том положении, которого они изменить не могут, т. е. в положении, совершенно безнадежном. С. Чернов.

Успешные операции японских войск в Китае

Токио, 22 ноября

Японские операции к западу от озера Тунтинг продолжают успешно развиваться. До сих пор чунцинские войска потеряли 5700 человек убитыми и 2000 ранеными. Японцы захватили 22 орудия и свыше 1000 винтовок.

Чунцин в официальной сводке подтвердил, что китайские войска терпят большие потери в японские продвигаются вперед. Японцы захватили важный центр путей сообщения.

(Продолжение 14-ое)

Я вернулся в барак и смеялся Бориса. Борис нечел на разведку к украинским профессорам — так, на всякий случай, ибо я полагаю, что мы устроимся у них.

В бараке было холодно, тепло и противно. Шатались какие-то урки и умилно поглядывали на наши рюкзаки. Но я сидел на ярах в этой богатейшей позе, а рядом со мною лежало здоровенное тело. Урки обдирались и скривались во тьме барака. Оттуда, из этой тьмы, время от времени доносились крики и ругань, чьи-то вопли о спасении и все, что в таких случаях полагается. Одна из этих стаек, осмотревшись рюкзаками, меня и полено, отошла в сторону, куда не достигал свет от коптилки, и смачно поощрала:

— Подожди ты — в мать, Бога, печенку и прощай — поймался ты и без полена.

Вернулся от украинских профессоров Борис. Появилась новая перспектива: они уже работали в УРЧ (учетно-распределительная часть) в Подпорожье, в отделе. Там была острая нужда в работниках, работа была отвратительная, но там не было лагера, как такового — не было барачков, проволок, урков и прочего. Можно было жить не то в палатке, не то в крестьянской избе... Было электричество... И вообще с точки зрения Погры — Подпорожье казалось этой мировой столицей. Перспектива была соблазнительная...

Еще через час пришел Юра. Вид у него был растерянный и сконфуженный. На мой вопрос: в чем дело? — Юра ответил как-то туманно — потом-де расскажу. Но в стремительности лагерных событий и перспектив — ничего нельзя было откладывать. Мы забрались в глубины нар, и там Юра шепотом и по-английски рассказал следующее:

Вот этот паренек будет у тебя на машинке работать.

Дядя посмотрел на Юру весьма пристально и заявил:

— Что-то мне ваша личность знакома. И где это вы вас видали?

Юра всмотрелся в дядю и узнал в нем того чекиста, который в роковом вагоне № 13 играл роль контролера.

Чекист, казалось, был доволен этой встречей.

— Вот это здорово. И как же это вас сюда послали? Вот тоже чулки-ребята — три года собирались и на бабе сорвались. — И он стал рассказывать прочим чинам третьей части, сидевшим в комнате, приблизительно всю историю нашего бегства и нашего ареста.

— А остальные ваши-то где? Здоровые бутылки подобранные. Дядюшка сновитый нашему одному (он назвал какую-то фамилию) так руку сжал, что тот до сих пор в лубках ходит... Ну-ну, не думал, что встретимся.

Чекист оказался из болятиных. В такой степени, что даже проболтался про роль Бабенки во всей этой операции. Но это было очень плохо. Это означало, что через несколько дней вся администрация лагеря будет знать, за что именно мы попались и, конечно, примет кое-какие меры, чтобы мы этой попытке не повторились.

ло уходить с Погры, хотя бы и в Подпорожье, хотя бы только для того, чтобы не болтаться на глазах этого чекиста и не давать ему повода для его болтовни. Конечно, и Подпорожье не гарантировало от того, что этот чекист не доведет до сведения администрации нашу историю, но он мог этого и не сделать. Повидимому, он этого так и не сделал.

Борис сейчас же пошел к украинским профессорам — форсировать подпорожские перспективы. Когда он вернулся, в наши планы ворвалась новая неожиданность.

Лесорубы уже вернулись из леса, и барак был наполнен мокрой и галдевшей толпой. Сквозь толпу к нам протиснулись два каких-то растерянных и слегка обалдевших от работы и хаоса интеллигента.

— Кто тут Солоневич, Борис?
— Я, — сказал брат.

— Что такое олеум ризици?
Борис даже слегка отодвинулся от столь неожиданного вопроса.

— Касторка. А вам это для чего?
— А что такое ацидум арсеникорум? В каком растворе употребляется ацидум карболикум?

Я ничего не понимал. И Борис тоже. Получив удовлетворительные ответы на эти таинственные вопросы, интеллигенты переглянулись.

— Голен? — спросил один из них у другого.
— Голен, — подтвердил тот.
— Вы назначены врачом амбулатории, — сказал Борис интеллигент. — Заберите ваши вещи и идите со мною — там уже стоит очередь на прием. Будете жить в кабинке около амбулатории.

Итак, таинственные вопросы оказались экзакменом на звание врача. Нужно сказать откровенно, что перед неожиданностью этого экзаменационного натиска, мы оказались несколько растерянными. Но дискутировать не пришло время. Борис забрал все наши рюкзаки и в сопровождении Юры и обоих интеллигентов ушел в кабинку. А кабинка — это отдельная комнатка при амбулаторном бараке, которая имела до несомненного преимуществ, что в ней можно было оставить вещи в некоторой безопасности от уголовных налетов.

Ночь прошла скверно. На дворе стояла оттепель, и сквозь щели потолка нас поливал тающий снег. За ночь мы промочили до костей. Промочили и наши одеяла... Утром мы,

мокрые и невыспавшиеся, пошли к Борису, прихватив туда все свои вещи, слегка обогрелись в пресловутой «кабинке» и пошли нажимать на все пружины для Подпорожья. В лес мы, конечно, не пошли. К полудню я и Юра уже имели — правда, пока только принципиальное — назначение в Подпорожье, в УРЧ.

Урки в лагере

Пока мы все судорожно мотались по нашим делам — лагунчик продолжал жить своей суматошной каторжной жизнью. Прибыл еще один эшелон — еще тысячи две заключенных, для которых одежки уже не было, да и помещения тоже. Людей перебрасывали из барака в барак, пытались «уплотнить» эти гробовобразные ящики и без того набитые до отчаяния. Плотничьи бригады наспех строили новые бараки. По расписанию от отпели «улицам» подвозились сырые промокшие

бревна. Дохлае лагерное клячи застревали на ухабах. Сверху моросила какая-то дрянь — лосось снега и дождя. Увязал по колени в разбухшем снегу, проходил, колонны «новобитов» — та же серая рабоче-крестьянская скотинка, келья была и в нашем эшелоне. Им будет на много хуже, ибо они остаются в том, в чем приехали сюда. Казенные «мушкетеры» уже исчерпаны, а ждут еще гой-четыре эшелона...

Торговцы кровью

15-го ноября сего года, государственной секретарь иностранных дел Соединенных Штатов — господин Хэлл, после длительного перерыва, охватив мир своим очередным выступлением на конференции в Вашингтоне.

Сей почтенный муж только что вернулся с московского совещания и поспешил поделиться своими свежими впечатлениями со всем миром.

Открывая конференцию, Хэлл заявил, что совещание в Москве было весьма интересным и в конечном счете — «довольно удовлетворительным».

Вот оно что! Оказывается, совещание было только «удовлетворительным», и даже в «конечном счете». А послушать истерический шум, поднятый вокруг этого совещания советской печатью и радио, — можно подумать, что оно закончилось свездом отчаяния.

Каких неосторожных оказался Хэлл! Разве можно вносить грубый диссонанс в «стройную гармонию» англо-советской агитации о результатах московского совещания? Но рузвельтский депутат, дав сразу более, чем пессимистическую оценку московским переговорам, спешит невольно рассеять неприятные впечатления от итогов конференции. Он, как бы подольщая до плечу московского властелина, говорит, что и он и другие оказались «приятными людьми» по своим поступкам и во взаимоотношениях. Мистер Хэлл пришел в величайшее удивление от поступков Сталина и иже с ним... Кремлевские палачи, видите ли, вызвали восхищение высшего американского гостя. Палачей и извергов, издевающихся над ни в чем неповинными жертвами, он называет «приятными людьми»!

Американский хозяин остался доволен: его «приятные» поставщики пушечного мяса оказались на высоте. Они искалечили на фронтах, во славу господина Хэлла и его соотечественников, около половины мужского населения Советского Союза.

Господин Хэлл выдает себя за голову. Оказывается, по его словам, московский слет международных акул был совершенно безобидным, не было заключено никаких секретных соглашений... Но, — как говорит русская пословица, — «на воре шапка горит». И вашингтонский деятель тут же раскрывает свои карты, говоря о том, что необходимо разрешить послевоенные вопросы, иначе «после мы столкнемся с большой путаницей». Ясно, что международные заговорщики толковали о послевоенных вопросах. Эти горехотники пытались разделить шкуру неубитого медведя, но так и не разделили и никогда ее и не разделат.

Н. Л. С.

Со всего света

Анкара. — Согласно официальному деголескому сообщению из Бейрута, там, якобы, наступило «некоторое успокоение». В то же время, однако, говорится о «бландах, собирающихся в горах и ожидающих благоприятной возможности выступить».

Стокгольм. — Воскресная английская печать сравнивает события в Ливане и Индии, называя поведение Англии мошенничеством и лицемерием. Многие газеты указывают, что Англия стремится использовать события в Ливане, чтобы, ввиду слабости Франции, окончательно вытеснить ее с Ближнего востока.

Шанхай. — Налет американской авиации на Гонгконг снова показал сущность трусливой и подлой тактики воздушных пиратов. При очень хорошей видимости они сбросили бомбы на военный лазарет, ясно обозначенный знаками Красного Креста.

Вито. — Президент Боливии заявил, что как Боливия, так и Парагвай, требуют выхода к морю. «Долг соседних дружественных стран — исполнить это справедливое требование и отдать для портов соответствующую территорию».

Среди этих людей, растерянных, дезориентированных, оглушенных перспективами долгих лет каторжной жизни, урки то были незаметными змейками, то собирались в волчьих стаи. Шныряли по барачкам, норы ступать все, что плохо лежит, организовывали и, так сказать, массовые вооруженные нападения.

Вечером напали на трех дежурных, получили хлеб для целой бригады. Одного убили, другого ранили, хлеб исчез. Конечно, дополнительной порции бригада не получила и осталась на сутки голодной. В наш барак — к счастью, когда в нем не было ни нае, ни наших вещей — ворвалась вооруженная финками банда человек в пятнадцать. Дело было утром, народу в бараке было мало. Барак был обобран почти до нитки.

Администрация сохраняла какой-то странной нейтралитет. И за урок взыскали сами лагунчики.

Выйдя утром из лагеря, я был поражен очень уютным зрелищем. Привязанный к сосне, стоял или, точнее, висел какой-то человек. Его волосы были покрыты запекшейся кровью. Один глаз висел на какой-то кровавой ниточке. Единственным признаком жизни, а может быть, только признаком агонии, было судорожное подергивание левой ступни. В стороне, шагах в двадцати, на куче снега лежал другой человек. С этим было все кончено. Сквозь кровавое месиво снега, крови, волос и обломков черепа были видны разможенные мозги.

Кучка крестьян и рабочих без некоторого удовлетворения созерцала это зрелище.

— Ну вот, теперь по крайности с воровством будет спокойнее, — сказал кто-то из них.

Это был мужичий самосуд, жестокий и бешеный, появившийся в ответ на террор урков и по отношению к самосуду администрации соблюдала тот же нейтралитет. Мне казалось, что вот в этом нейтралитете было что-то суверенное. Как будто в этих изуродованных телах лагерных воров всякая публика из третьей части видела что-то и из своей собственной судьбы. Эти вспышки — я не хочу сказать народного гнева — а скорее гнева они достаточно бессмысленны, — а для народа ярости, жестокой и неорганизованной, пролегают этакими симпатическими огоньками по всей стране. Сколько всякого колхозного актива, сельской милиции, «крестьянских чекистов платят назломянными костями и проломанными черепами за великое социалистическое ограбление мужика».

(Продолжение следует)

ЖИЗНЬ В НОВОЙ РОССИИ

Интерес к хлебопашеству

(От нашего корреспондента)

Жители деревни Остров, Выбьевской волости, Котельского района ранее работали на производствах. Сельское хозяйство интересовало их лишь как полпроцента, на случай задержки с доставкой продуктов из других мест.

В настоящее время многие деревенские жители также заняты на разных производствах, но хлебопашеству уделяется уже значительно больше внимания. Так, например, в прошлом году сеяли озимой ржи всего 7,8 гектара, а в этом году — 15. За год подняли свыше 5 гектар целины, выбрали под пахоту землю, где топать можно.

Из пахотной земли, принадлежащей деревне Остров, 60 гектаров в советское время занимал военный городок. Большую часть этого массива и сейчас обработать невозможно, но то, что возможно — используется под посев. В связи с закреплением земли в частное пользование, у населения проявляется большой интерес к сельскому хозяйству.

Староста деревни, М. Задалов, имевший ранее всего 0,15 гектара приусадебного участка, теперь старательно ведет свое расширенное хозяйство. Он имеет корову, приобретает лошадей, овец, поросят и выращивает вторую корову. За последний год он поднял почти полтора гектара целины.

Начав жизнь заново, жители нашей деревни, — говорит староста, — отремонтировали много пострадавших от военных действий домов, построили 8 бань и 4 амбара.

Вообще крестьянством у нас теперь интересуются и, думаю, мне, что это занятие значительно улучшает положение жителей деревни. Особенно сейчас, когда каждый получил возможность работать на себя. О. Виктор.

ТЕАТР НА ГАСТРОЛЯХ

Дно

Среди театральных коллективов северной области — драматическая труппа в Порхо-

во заслуженно занимает одно из видных мест.

Большинство членов труппы являются людьми никогда раньше не выступавшими на сцене, и лишь незначительный процент составляют артисты — профессионалы.

Недавно порховская группа гастролировала в городе Дно. Прекрасное впечатление оставила постановка комедии Островского «Счастливы день».

Главные роли в этом спектакле удачно проведены Богдановым, Тимофеевым, Горбачевым — Богдановым и Никольской.

Молодые актеры — Захарьева, Назарова и Сумкин — еще раз показали неуловимый рост своих талантов. Неплохо справились со своими ролями и актеры Уткин, Дашко, Волков и Егорова.

ВЫСШИЕ ШКОЛЫ

Минск

Кроме уже существующего высшего медицинского института в Новой Выльке, в Минске начата организация трех высших институтов: юридического-административного, ветеринарного и технического. В институты принимаются лица, имеющие полное среднее образование (окончившие десятилетку, гимназию или соответствующий техникум). Для будущих студентов имеется уже интернат, а также всем будет выдана белье, верхняя одежда и обувь. Регистрацию студентов производит городской комиссариат.

УЧИТЕЛЬСКИЕ КУРСЫ

Белосток

В Белостоке открыты учительские курсы для 120 курсантов. Благодаря активной поддержке со стороны германских гражданских властей, белорусское Объединение в Белостоке получило для курсов просторное помещение и весь необходимый инвентарь.

На курсах преподаются педагогика, белорусский и немецкий языки, белорусская история и литература.

Труд и праздность

Воспитательное и нравственное значение труда

Нередко в наших освобожденных городах можно видеть подростков не занятых трудом и не помогающих своим родителям дома. Очень часто родители не обращают на это никакого внимания, а со временем жалуют, что их дети выросли неспособными к труду. Такие родители часто жалуются, что дети не помогают в хозяйстве, не ходят себе дела и, кроме школьных занятий, не выполняют никакой работы. Нередко можно видеть подростков, которые уже с раннего возраста научились курить, выучились площадным словам и т. д.

Если человек не трудится, не занят определенной работой, у него неизбежно появляется чувство внутренней пустоты. Это чувство томит, тяготит его, являясь источником дурных настроений и раздражений. Появляются всякого рода прихоти, чувственные желания и человек незаметно становится их жертвой и нередко гибнет. Не зная радости собственного труда, не ценящий и труда чужого. Не зная собственной усталости, не понимая ее и в другом. Праздники дети обычно капризные, придиристые. Неприучка к труду делает человека слабым и безвольным. Труд же, заставляя напрягать силы, учит нас преодолевать препятствия.

Конечно, всякий труд должен быть для детей полезным и интересным. Для того, чтобы из детей вышли трудолюбивые люди, их следует приучать к труду с самого раннего возраста. Если дети исполняют по-настоящему для себя работу, они развивают

свои силы, у них появляется бодрое, хорошее настроение. Как часто и много родители жалуются на то, что дети капризничают, не дают ничего дома делать, пристают с вопросами. А стоит только поговорить с этими малышами о какой-нибудь интересной для них работе и потом их трудно бывает от нее оторвать. Увлекательная работа веселит и радует ребенка. Пол вилом игры детей можно обучить любой работе. Дети по природе своей деятельны и любят труд. Им приятно сознание, что они могут чем-нибудь помочь родителям. На просьбу отца: «Помоги, милый, сделать то и то», — ребенок откликается всегда охотно и с радостью. Дети очень ценят, когда им серьезно даются какие-нибудь поручения и рады их выполнять в точности. Тут ребенок бывает польщен доверием взрослых и серьезною той роли, которая выпадает на его долю. Особенно это показательно на примерах жизни крестьянских детей.

Наши родители в городах часто остаются в плену старых советских принципов воспитания, где все возлагалось на детские сады и другие детские учреждения и воспитательное значение семьи, т. е. родителей утрачивало свое значение.

К серьезной работе детей следует приобщать уже с 8-9 летнего возраста. И дети из заводных, праздных существ становятся для родителей нужными и ценными помощниками, которые могут смело рассчитывать на себя в дальнейшей жизни. Борис Маклаков.

Родантика моря

Очерк из жизни рыбаков

Осенний день, пасмурный. С Финского залива тянет пронизывающий ветерок, берег покрывает туман, сквозь который еле заметна прибрежная деревня. Голые деревья, изредка торчащие меж рыбацких изб, кажутся фантастическими, неестественными. Холодно.

Но рыбаков не пугает холод. Осенний лов богат салакой. Его нельзя упустить. Теплее, когда рыбак стал хозяином орудий лова, он снова живет морем и старается не пренебречь удобного случая.

Тихо покачивается лодка. Рыбаки одеты тепло, в толстых шапках. Привычные к работе руки ловко расстилают сети, опускают их в воду.

— Что - то пошлет нам Бог сегодня?

Война сказывается и на рыбной ловле. Не везде может ловить рыбак, не всюду безопасно плыть в лодке. Было время, когда рыбак не знал ограничений.

Особенно увлекательно рассказывают рыбаки о зимнем подледном лове:

— Бывало, — говорит Николай Павлович Филиппов, — староста деревни Нижние Лукицы, — как только замерзнет море, на лед уходит и стар и мал. Уходит дед, уходит отец, уходит мать, все взрослые и даже с собой берут детей. Каждый старался тогда составить свою группу для подледного лова неводом, в которой должно быть от 10 до 16 человек.

И вот располагались в большой будке прямо на льду; вблизи делали вставную прорубь и опускали туда невод. Крылья невода — от 80 до 100 метров — протягивали под ледом, поддерживая их с бков крюками и потом вытаскивали сквазь новую прорубь, уже большего размера. Часто случалось так, что мороз стоит страшный, а рыбакам, когда они ташат невод — жарко. Тогда летят на лед кокухи, сбрасываются рукавицы. Только передник охраняет рыбака или рыбаку от стекания воды в сапоги, от намороза одежды.

Радовалось сердце, когда улов был большой. Шкипер, который являлся старшим в группе, в это время поднимал флаг, показывая прасолом (скупщиком), что тут достал улов. И набегали тогда прасолы стаей, человек 50-100, и у каждого были в руках деньги. Их глаза жадно следили за неводом, за рыбой, высыпаемой из него в кобары (ямы, вырубленные во льду для хранения рыбы). Некоторые сразу же приехали улов, ковыряясь лопатами в кобарах, прикидывали на-глаз остатки в неводе.

— Сколько стоит, хозяин? А хозяин не спешит. Закончив очистку невода, оценивал спрос на рыбу и тогда уже назначал цену. Она была высокой. Прасоло молчали, поглядывая друг на друга, остергались, чтобы не нашлось среди них такого, который согласился бы уплатить назначенную сумму. Когда же этого не случалось, шкипер, выждав немного, сбавлял цену, пока, наконец, кто-нибудь из скупщиков выкрикивал: «Беру!» Если же выкрикивали одновременно два или несколько — улов делился между ними поровну.

Получив деньги за улов, да еще и «гостинца» к ним, по 50 копеек с каждой кобары — мужчинам на водку, а женщинам на кофеечки и пряники — рыбаки начинали праздник. «Гостевание» шло с музыкой, с песнями, с танцами. И тянулось так и день, и вечер, и ночь. Далеко отзванивал дед, уносил ветер музыку, пение.

— В среднем на море бывал я по 2 месяца за зиму. Мой же заработок составлял за это время 200 целковых, звонких, золотом или серебром. А посылите-ка, что это значит? — рассказывает Филиппов Александр Антипович из деревни Краколье. — Цены-то на все продукты и товары в то

время были сказочно дешевые. Самый опытный матрос, плавающий на морских судах в горячее летнее время, зарабатывал 25 рублей в месяц, а у меня выходило около 100. Хороший заработок на долю рыбака выпадал еще при весенней путине и осенью. Летом, обычно, рыбак отдыхал.

Так жили в дореволюционные годы, и почти так в первые годы НЕП'а. Но потом стали организовываться государственные пункты, а прасолов с каждым годом становилось меньше и меньше. Некоторые рыбаки попробовали сами отвозить улов в город, и хорошо зарабатывали, но попадали в немилость. В деревне Залесье, на Стойкинском полуострове, таких основательно раскулачили. Не о зажиточности рыбака думала советская власть!

— В 1931 году загнали нас в колхоз и обобществили орудия лова. И пошла неразбериха. «План» у большевиков — какой-то идол, а отставить его как следует не умеют. И что получается? Зимой, например, рыбаки перевыполняют «план». Но никаких премий не получают, кроме обычного заработка с улова. В другие времена года рыбаки часто не выполняли «плана», потому что рыба не всегда одинаково ловится, а то и вовсе не идет в сети, как, например, бывает летом. Тогда мы платили неустойку. К тому же и домой (по твердой цене, плюс 15-20 процентов надбавки) разрешалось взять рыбы всего 80 килограммов на квартал. Конечно, ее не хватало. Надо было покупать и платить в тридорога за свой же, нами сланный улов. А кто осмелился взять на свой риск — тот считался вором и его судили за расхищение «социалистической собственности».

— С каждым годом неустойка росла. Жизнь рыбаков все ухудшалась. Да и как же было не ухудшаться ей, — возмущается А. А. Филиппов, — если у нас в Краколье на неводную тую настоящих рыбаков не пускали, а посылали свежеразобраных и

тех, которые и раньше жили бедно, не любя моря, не желая по-настоящему рыбачить. Такое дело только разогнало опытных рыбаков. С болью в сердце брысали они свой промысел, уходили Бог знает куда, поселились в городах, шли на новостройки.

Так оскудевал рыбный промысел, овеянный романтикой моря. Не поднимая уже флага шкипер, не подбегали к неводу скупщики, не веселились по-прежнему в будках. Не отлавал дед толота подвыпивших людей, не пугал ветер песенной ткани.

С приходом германских войск распались колхозы. Рыбакам возвращены их орудия лова. Кто был вблизи, тот с радостью вернулся к неводу. Его призывало море. Он стал рыбаком снова.

— Пока лов ограничен. Знаем — война, не всюду пойдешь. Но и то мы не в обиде. Выезжаем на лов и возвращаемся назад через пункт. За сданный улов на каждые 500 рублей получаем премии — продуктами и товарами по твердым же ценам. Выходит — не плохо. Некоторые бригады получали по 4-5 премий на день. В счет их вошли и резиновые сапоги — самое нужное для рыбака. За премии же почти каждый раз выдала водку. И это нам очень кстати. Выпьешь, хорошо поешь — старина на ум взбредет, и в думах вспоминаешь о далеких днях молодости.

— Хочется рыбачить, как рыбачили наши отцы и деды. А со свободой лова вновь воспрянет рыбак. И снова появятся на льду прасолы, прибегут по сигналу шкипера к неводу, вынув деньги.

Хорошие думы, здоровые мысли. Скоро наступит такое время! В Новой России рыбаки свободно выйдут в море и смогут, продав улов, повеселиться. Тогда и дед зазвенит под ногами у них, и ветер далеко занесет звуки гармоний и песен. В. Орлик.

„Дети за родителей не отвечают“

Переживания советской девушки

Жили мы до 1938 года более или менее спокойно. Я училась и была в числе отличников. По сравнению с соседями мы жили в достатке. Но вот в 1938 году в сентябре ночью к нам нагрянул «черный ворон» и увез мою мать. Долго мы ничего не знали о ее судьбе, пока меня однажды не вызвали в НКВД и не стали допрашивать о каких-то родственниках, проживающих в Польше. Я о них ничего не знала, хотя моя мать и была по происхождению полькой. Ничего не добившись, мне объявили, что моя мать осуждена на десять лет без права перепуски, как враг народа. После этого мой отец, во избежание репрессий, женился на другой, и я вынуждена была из дома уйти совсем. В школе ко мне резко изменилось отношение, из отличников я стала средней, несмотря на то, что отвечала на уроках не хуже прежнего. Товарищи стали меня сторониться. Мне пришлось уйти и из школы, так как я не могла платить за учебу.

Настали черные дни. Устроиться на работу оказалось не легко, всюду мешал арест матери. Почти год я прожила на то, что продавала кое-что из маминих вещей. Наконец, судьба свалилась надо мной и мне удалось устроиться продавщицей в одном из ларьков промысла. Кажется, это была единственная организация, где принимали на работу даже «полозрительных». Я не смела поднять глаз, зная, что я дочь «врага народа», и боялась, что мне это в любой мо-

мент могут напомнить. В 17 лет из жизне-радной девушки я превратилась в заботного и большого человека.

В августе 1941 года, когда началась война, я вместе с другими решила эвакуироваться, так как немецкая армия была недалеко от нашего города. Нам погрузили на барку и повезли. Но не успели мы отъехать от города и на двадцать километров, как нашу барку разбомбили. Каким-то чудом я уцелела и очутилась на берегу.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло», так гласит русская пословица. Теперь я на территории, занятой немцами, и в это время не расквашиваюсь. Я очень рада, что не осталась по ту сторону фронта. Сейчас работаю в одной из германских частей. К праздникам получаю за работу подарки, никто не спрашивает мою биографию, паспорт здесь служит честное отношение к работе. Ко мне вернулись веселое настроение и грусть я теперь лишь тогда, когда вспоминаю с матерью. Где-то она, неужели и с ней поступили так же, как в Виннице и Катые? Нет, нет, она жива, она должна жить, чтобы услышать от меня, как долго стало и свободно жить честному трудолюбивому человеку в освобожденных от большевиков областях...

Эту историю рассказала мне девушка-беженка из-под Ленинграда, фамилия ее я не упоминаю... Она надеется увидеть еще свою мать, которая может быть еще жива. Л. Никитин.

Экономическое сотрудничество Европы

Единая хозяйственная система

Внешней войне с яркой очевидностью вывилась общность судьбы европейских народов.

Большевизм агрессия и спекулятивная политика англо-американской plutократии вергли Европу в борьбу за существование и за политическую и экономическую ее независимость. В этой борьбе объединенная Европа постепенно создала грандиозный экономический аппарат, являющийся не только залогом окончательной победы над врагом, но и предположительно успешного хозяйственного сотрудничества европейских народов в грядущей эпохе мира.

Преодоление общих, вызванных войной трудностей и нужд, тесно сблизило европейские народы и породило среди них тот дух общности интересов, благодаря которому уже теперь в системе европейского хозяйства можно отметить грандиозные по своим размерам достижения.

В Италии отрядами германской организации труда были проведены столь крупные мелиорационные работы, что итальянское сельское хозяйство обогатилось огромными, вновь приобретенными, пространствами плодородных почв. Во Франции, благодаря новому курсу экономической политики, посевная площадь пшеницы увеличена на 20 процентов. В Бельгии посевная площадь зерновых увеличилась на 16 процентов, а картофеля на 36 процентов. В Голландии превращены в пахотную землю 23.000 га лугов, а посевная площадь картофеля увеличена на 21 процент. В Болгарии в течение одного года площадь соевых бобов была увеличена с 20.000 до 70.000 га. В Румынии посевная площадь зерновых увеличена с 2,35 до 2,62 миллиона га, подсолнуха с 150.000 до 300.000 га и сахарной свеклы с 20.000 до 30.000 га. Площадь пахотной земли в Норвегии увеличена на 20, а в Швейцарии на 25 процентов.

Увеличение продукции зерна и картофеля создает новые мощные базы продуктов питания и в то же время корректирует обусловленный войной недостаток мясных продуктов.

Наряду с этим, благодаря тщательной селекции семян, применению новых способов удобрения почвы и введением в работу новых сельскохозяйственных машин, а также п дготовкой квалифицированных кадров сельскохозяйственных работников и рационализации труда, сельское хозяйство Европы уже теперь настолько интенсифицировано, что если говорить о продовольственной независимости Европы в масштабах мирного времени и рано, то несомненно можно отметить тот факт, что Европа полностью заборировала себя от всякой опасности продовольственной блокады.

Пути к хозяйственной самостоятельности Европы проложены также и в области промышленности. Принятый в Германии 18 октября 1936 года четырехлетний план перекроил хозяйственный облик страны и превратил Германию в мощнейшую индустриальную страну на базе собственного сырья.

Производство синтетического каучука (буна), бензина, искусственной шерсти, шелка и новейшие достижения германской химической промышленности дали Германии ту экономическую независимость, без которой немислимо было бы успешное ведение современной войны. И Италии благодаря широкой экономической помощи Германии удалось значительно повысить потенциал промышленного производства. Так, например, в 1941 году удалось увеличить по сравнению с 1938 годом добычу каменного угля. Увеличилась продукция алюминия. Были выстроены заводы по производству магнетита. Увеличилась продукция шелководческой и целлюлозной промышленности. История взвесит ту громадную помощь, которую Германия оказывала своей союзнице, и без которой Италия не может сейчас вести свое хозяйство.

Во Франции, несмотря на тяжесть ее экономической судьбы, обусловленной английской блокадой и потерей колоний, многие отрасли промышленности теперь опять

восстановлены до размеров продукции мирного времени. Так, например, благодаря притоку из Германии искусственной шерсти и волока, продукция текстильной промышленности Франции, некогда занимавшей одно из первых мест в мире, доведена уже до 70 процентов своего довоенного размера. Объявленный маршалом Петеном десятилетний план национального строительства страны объединил всю добывающую и обрабатывающую промышленность Франции и, годичный ее центральной организации, ввел в новую систему планового хозяйства, резко отличающуюся от прежней системы капиталистического хищничества.

Благодаря широкому ввозу сырья из Германии, успешно восстанавливается также промышленность Голландии и Бельгии. В исключительно быстром темпе восстанавлилась промышленность Норвегии. Здесь возник целый ряд таких предприятий, которых прежде в стране не было. На основании данных союза норвежской промышленности, в 1941 году в Норвегии производилось 100 новых сортов товаров, в том числе продукты кормовой целлюлозы, синтетического текстиля, а также рыбожировой и спиртовой промышленности. Большой интерес представляет собою план эксплуатации гидроэнергии Норвегии, которая использована не более чем на 16 процентов своей мощности. Норвежские водопады и реки давали всего лишь 2,1 миллиона киловат, в то время, как эту цифру легко было увеличить еще на 10 миллионов киловат. Таким образом, страна не только избавляется от необходимости импорта угля, но может стать крупным экспортером «белого угля», снабжая электроэнергией ближайшие страны Европы.

Реорганизацией и переключением промышленности на базы синтетического сырья удалось вывести из экономического затруднения и другие страны Европы — Швецию, Данию, Швейцарию. В Румынии же, благодаря модернизации добычи и транспорта нефти и естественных газов, удалось значительно поднять продукцию нефтяной промышленности.

Таким образом, тесное сотрудничество европейских народов создало независимую и огражденную от опасностей блокады хозяйственную систему, благодаря которой народам Европы удалось преодолеть вызванные войной затруднения. И если Рузвельт в своей последней речи говорил об

угрозе голода в Советском Союзе и Китае, и если голод уносит многие тысячи людей в Индии и стоит грозным призраком в Англии, — то Европе эта опасность не грозит.

Единая хозяйственная система европейского континента плановым самоснабжением обеспечила бесперебойную работу добывающей и обрабатывающей промышленности. Расширение же сельскохозяйственного производства устранило всякую угрозу голода в Европе.

Это решающее экономическое преимущество Европы в борьбе за свою судьбу почувствуют ее враги еще в самое ближайшее время.

Рузвельт и Черчилль над этим подожением уже «глубококомсленно» задумались, ну а что же будет делать Сталин, получив после стратегического отхода германской армии одни лишь пустыри? Надо думать, что еголовокружение от успехов у него протает. И. Исхаров.

Изменится ли климат?

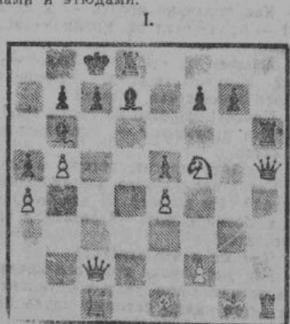
Приблизительно 20 лет тому назад разница между средней температурой зимы и лета упала с 19 градусов до 15. Это колебание температуры, отмеченное на всем земном шаре, особенно заметно в северной Европе и примакающей к ней Полярной области.

Причина этого изменения климата неизвестна, но кроется, очевидно, в том, что Гольфстрим за последние десятилетия приносит в Европу все больше тепла. 20 лет тому назад в Мексиканском заливе повысилась температура воды; соответственно этому более теплая морская вода омывает теперь берега Европы и идет до самого Северного Ледовитого океана. Поэтому полярные льды отчасти оттаивают и граница вечных льдов теперь отодвинулась дальше на север. Потепление Полярной области, замеченное с 1919 года, проявляется также в изменениях в жизни животных и растений. В северных морях теперь встречаются рыбы, которых раньше там не было. Кроме того температура Гольфштрима из года в год колеблется, что сообразно влияет на зимнюю температуру Европы.

Известно ли вам, что мастера игры Стамма, Андерсен, Бергер, Бетинг, Матиссон, Тейхманн, Шлехтер, Дурас, Велинк, Керес и др. славились также как составители задач? Что корифей композиции Ринк и Куббель известны как первоклассные игроки? Что мастер художественного этюда Матиссон советовал всем начинающим игрокам — заниматься несколько лет решением задач и этюдов?

Наша серия «Партия и композиция», которую начинаем сегодня печатать, покажет читателям идейную связь между игрой, задачами и этюдами.

Черные: Фохтер. Белые: Троицкий. Решение: 4. ... Kd1-f2, Pd1-f2, Kf1-g2, Kf2-g3, Kf3-g4, Kf4-g5, Kf5-g6, Kf6-g7, Kf7-g8, Kf8-g9, Kf9-g10, Kf10-g11, Kf11-g12, Kf12-g13, Kf13-g14, Kf14-g15, Kf15-g16, Kf16-g17, Kf17-g18, Kf18-g19, Kf19-g20, Kf20-g21, Kf21-g22, Kf22-g23, Kf23-g24, Kf24-g25, Kf25-g26, Kf26-g27, Kf27-g28, Kf28-g29, Kf29-g30, Kf30-g31, Kf31-g32, Kf32-g33, Kf33-g34, Kf34-g35, Kf35-g36, Kf36-g37, Kf37-g38, Kf38-g39, Kf39-g40, Kf40-g41, Kf41-g42, Kf42-g43, Kf43-g44, Kf44-g45, Kf45-g46, Kf46-g47, Kf47-g48, Kf48-g49, Kf49-g50, Kf50-g51, Kf51-g52, Kf52-g53, Kf53-g54, Kf54-g55, Kf55-g56, Kf56-g57, Kf57-g58, Kf58-g59, Kf59-g60, Kf60-g61, Kf61-g62, Kf62-g63, Kf63-g64, Kf64-g65, Kf65-g66, Kf66-g67, Kf67-g68, Kf68-g69, Kf69-g70, Kf70-g71, Kf71-g72, Kf72-g73, Kf73-g74, Kf74-g75, Kf75-g76, Kf76-g77, Kf77-g78, Kf78-g79, Kf79-g80, Kf80-g81, Kf81-g82, Kf82-g83, Kf83-g84, Kf84-g85, Kf85-g86, Kf86-g87, Kf87-g88, Kf88-g89, Kf89-g90, Kf90-g91, Kf91-g92, Kf92-g93, Kf93-g94, Kf94-g95, Kf95-g96, Kf96-g97, Kf97-g98, Kf98-g99, Kf99-g100, Kf100-g101, Kf101-g102, Kf102-g103, Kf103-g104, Kf104-g105, Kf105-g106, Kf106-g107, Kf107-g108, Kf108-g109, Kf109-g110, Kf110-g111, Kf111-g112, Kf112-g113, Kf113-g114, Kf114-g115, Kf115-g116, Kf116-g117, Kf117-g118, Kf118-g119, Kf119-g120, Kf120-g121, Kf121-g122, Kf122-g123, Kf123-g124, Kf124-g125, Kf125-g126, Kf126-g127, Kf127-g128, Kf128-g129, Kf129-g130, Kf130-g131, Kf131-g132, Kf132-g133, Kf133-g134, Kf134-g135, Kf135-g136, Kf136-g137, Kf137-g138, Kf138-g139, Kf139-g140, Kf140-g141, Kf141-g142, Kf142-g143, Kf143-g144, Kf144-g145, Kf145-g146, Kf146-g147, Kf147-g148, Kf148-g149, Kf149-g150, Kf150-g151, Kf151-g152, Kf152-g153, Kf153-g154, Kf154-g155, Kf155-g156, Kf156-g157, Kf157-g158, Kf158-g159, Kf159-g160, Kf160-g161, Kf161-g162, Kf162-g163, Kf163-g164, Kf164-g165, Kf165-g166, Kf166-g167, Kf167-g168, Kf168-g169, Kf169-g170, Kf170-g171, Kf171-g172, Kf172-g173, Kf173-g174, Kf174-g175, Kf175-g176, Kf176-g177, Kf177-g178, Kf178-g179, Kf179-g180, Kf180-g181, Kf181-g182, Kf182-g183, Kf183-g184, Kf184-g185, Kf185-g186, Kf186-g187, Kf187-g188, Kf188-g189, Kf189-g190, Kf190-g191, Kf191-g192, Kf192-g193, Kf193-g194, Kf194-g195, Kf195-g196, Kf196-g197, Kf197-g198, Kf198-g199, Kf199-g200, Kf200-g201, Kf201-g202, Kf202-g203, Kf203-g204, Kf204-g205, Kf205-g206, Kf206-g207, Kf207-g208, Kf208-g209, Kf209-g210, Kf210-g211, Kf211-g212, Kf212-g213, Kf213-g214, Kf214-g215, Kf215-g216, Kf216-g217, Kf217-g218, Kf218-g219, Kf219-g220, Kf220-g221, Kf221-g222, Kf222-g223, Kf223-g224, Kf224-g225, Kf225-g226, Kf226-g227, Kf227-g228, Kf228-g229, Kf229-g230, Kf230-g231, Kf231-g232, Kf232-g233, Kf233-g234, Kf234-g235, Kf235-g236, Kf236-g237, Kf237-g238, Kf238-g239, Kf239-g240, Kf240-g241, Kf241-g242, Kf242-g243, Kf243-g244, Kf244-g245, Kf245-g246, Kf246-g247, Kf247-g248, Kf248-g249, Kf249-g250, Kf250-g251, Kf251-g252, Kf252-g253, Kf253-g254, Kf254-g255, Kf255-g256, Kf256-g257, Kf257-g258, Kf258-g259, Kf259-g260, Kf260-g261, Kf261-g262, Kf262-g263, Kf263-g264, Kf264-g265, Kf265-g266, Kf266-g267, Kf267-g268, Kf268-g269, Kf269-g270, Kf270-g271, Kf271-g272, Kf272-g273, Kf273-g274, Kf274-g275, Kf275-g276, Kf276-g277, Kf277-g278, Kf278-g279, Kf279-g280, Kf280-g281, Kf281-g282, Kf282-g283, Kf283-g284, Kf284-g285, Kf285-g286, Kf286-g287, Kf287-g288, Kf288-g289, Kf289-g290, Kf290-g291, Kf291-g292, Kf292-g293, Kf293-g294, Kf294-g295, Kf295-g296, Kf296-g297, Kf297-g298, Kf298-g299, Kf299-g300, Kf300-g301, Kf301-g302, Kf302-g303, Kf303-g304, Kf304-g305, Kf305-g306, Kf306-g307, Kf307-g308, Kf308-g309, Kf309-g310, Kf310-g311, Kf311-g312, Kf312-g313, Kf313-g314, Kf314-g315, Kf315-g316, Kf316-g317, Kf317-g318, Kf318-g31

Н.А. ТЕФФИ

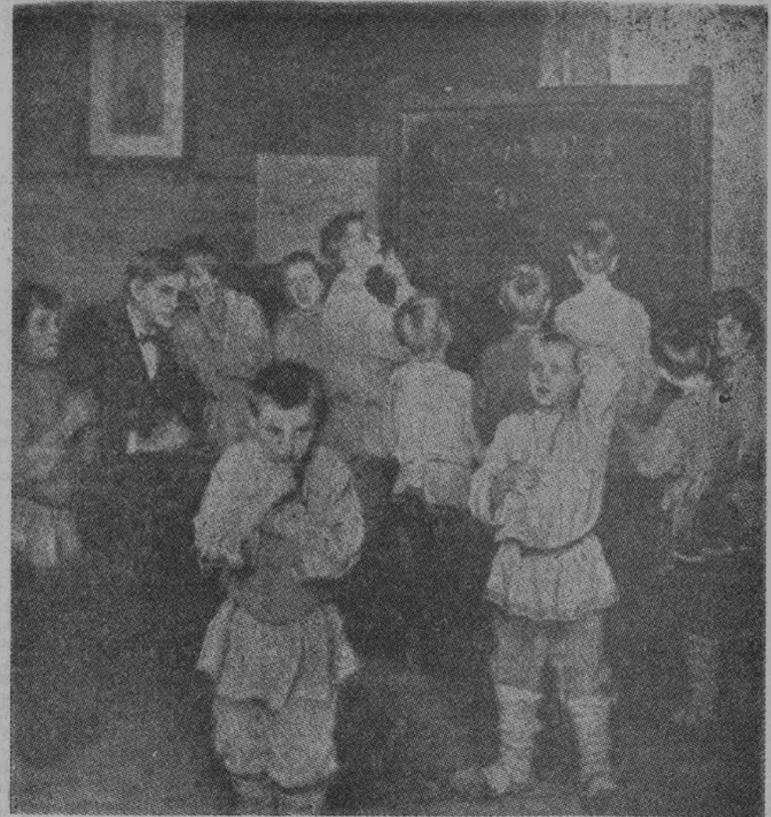
Советский Летчик

Вчера в кинематографе показывали какой-то аэроплан, и я вспомнила. Гриша Петров был славный мальчишка. Здоровенный, коренастый и вечно смеялся. Рот до ушей хоть лягушке присей, — дразнили его младшие сестры. Не кончив университета, женился, потом попал на войну. Боялся он войны ужасно. Всего боялся — ружей, пушек, лошадей, солдат. — Ну, чего ты, Гриша, — успокаивали сестры. — Уж будто так все в тебя непременно стрелять будут. — Да я не того боюсь! — А чего же? — Да я сам стрелять боюсь! Стали обучать Гришу военному ремеслу. После первого урока верховой езды вернулся он домой такой перепуганный, что обедать не мог. — Все равно, — говорит, — какой тут обед. Все равно придется застрелиться. — Что же случилось? — Господи, страсти какие! Взвалили меня на лошадей ни седла, ни стремян — ничего! Хвоста у — не поймать — держись за одну гриву. Тока еще на месте стояла — ничего, сиди! А офицер вдруг как щелкнет бичем, да как все заскачет! Рожи бледные, глаза выпучены: зубы лязгают — последний час пришел! А моя кобыла хуже всех. Прыгает козлом, головой машет, — кидает меня то на шею себе, то на зад. Я ей «тпру! тпру!» — не тут-то было. Ну, думаю, все равно пропадать: выбрал минутку, когда она поближе к стенке скакала, ноги подобрал да кубарем с нее на землю. Офицер подскочил, бичем щелкает. — На лошади! Я поднялся. — Не могу, — говорю. А он орет: — Не смеешь в строю разговаривать! А мне уж давно все равно — пусть орет. Так и ему говорю: — Чего уж тут — я ведь все равно умираю! Он немножко удивился, посмотрел на меня внимательно. — А и правда, говорит, вы что-то того. Идите в лазарет. Загрусил Гриша. — Теперь сами видите — какой я воюка. Я им так и скажу, что лучше вы меня на войну не берите. У вас вон все герои — сам в газетах читал. Я не гожеусь — я очень боюсь. Ну куда вам такого — срам один.

Однако, ничего. Дал себя разговорить, успокоить. Одолею военную науку и пошел воевать. На побывку приехал домой очень довольный — опять «рот до ушей хоть лягушке присей». — Слушайте! А ведь я — то, оказывается, храбрый! Ей-Богу, честное слово. Спросите у кого хотите. И пушки палат, и лошади скачут, а мне чего-то не страшно. Сам не понимаю — глупый я, что-ли. Другие пугаются, а мне хоть бы что! Приехал второй раз и объявил, что подаю прошение — хочет в летчики. — Раз я, оказывается, храбрый, — так чего ж мне не итти в летчики. Храбром-то это даже интересно. И пошел. Летал, наблюдал, бомбы бросал, два раза сам валился, второй раз вместе с простреленным аппаратом и так сильно контужен, что почти оглох. Отправили прямо в санаторию. В Москве, уже при большевиках, в хвосте на седельные хвосты кто-то окликнул меня. Узнала не сразу. Ну да мы тогда все друг друга не сразу узнавали. — Гриша Петров? — Почернел как-то, и скулы торчат. Но это не главное. Главное изменило его выражение глаз — какое — то виноватое и точно просищее, беспокойное. — Как вы, говорю, загорели. — Нет, я не загорел. Здесь другое. Я к вам приду и расскажу, а то со мной на улице говорить нельзя — очень уж кричать надо. Вечером и пришел. Рассказал, что в Москве проездом — завтра уезжает. Будет летать. — Ведь вы же не можете — вы в отставке, вы инвалид. — Большевики не верят. Буду летать. Ничего. Дело не в этом. И узнала я, в чем дело. — Отряд наш — шестнадцать офицеров. Сидели в глуши, думали о нас и забыли. Лес у нас там, хорошо, грибы собирали. Вдруг приказ — немедленно одному явиться с аппаратом в Москву, пошлют его куда-то над Уфой летать. Мы бросили жребий. Вытащил товарищ и говорит — я повешусь, у меня мать в Уфе, я над Уфой летать не стану. Ну, я и вызвался заменить, думал, словечусь, перелечу к белым, — я ведь, сами знаете, —

храбрый. Приезжаю сюда, а здесь говорят не над Уфой, а над Казанью. А у меня в Казани старуха — мать, и жена и мальчишки мои — как же я стану в них бомбы бросать? Решил сказать на чистоту. Заявил начальству, а оно так любезно. — Так, значит, в Казани ваша семья? — В Казани, говорю, все. — А как их адресочек? Я и адрес сказал. Они записали. — Ну-с, теперь, — говорят, — завтра же отправляйтесь на Казань. А в случае, если затеете перелет к белым, или вообще недобросовестно относитесь к возложенному на вас поручению (это, то-есть, если бомбы бросать не буду), то семья ваша будет при взятии города расстреляна, поняли? Ну, еще бы, как не понять. Призадумался Гриша — черный такой стал, скуластый и вдруг спросил: — Как вы думаете, — должен я сейчас застрелиться или посмотреть может, как-нибудь... А? Что? Что? Он очень плохо слышал. Несколько месяцев тому назад, совершенно неожиданно встречаю в одном из заграничных городов старушку Петрову. — Да, да, слава Богу, выбрались. Мы давно уже здесь. Маруся, Гришенькина жена, в школе устроилась, учительницей. Мальчишки здоровы, все хорошо. А сколько перестрадали! Как они на Казань-то шли! Есть было нечего, воды и той не было. Сами на Волгу с кувшинами бежали. Мальчишки тоже чайники брали — пять верст почти. Бежим бывало, а над нами аэроплан ихний гудит. Господи, свалился у нас за лесом, недалеко. Все бежали смотреть. Обгорел так, что и лица не различить. А мне и не жалко было. Собака собачья смерть. — Он скажите, вы о Грише ничего не знаете? — Нет, ничего. Так ничего и не знаем. С самого начала отрезаны были. Ну, да ведь его большевики на службу призвать не могли, он, слава Богу, инвалид контуженный. Никогда не годный — где-нибудь отсижусь. Все ждали весточки. Обещали нам тут. — Значит, ничего не знаете? Она вдруг всполохнулась. — А что? Может быть, вы что-нибудь... А? Может слышали? — Нет, нет... Я так... Я тоже... ничего не знаю...

«Трудная задача» — картина Н. П. Богданова-Бельского

Писатели — чтецы

Писемский и Горбунов

Некоторые русские знаменитые писатели были одновременно и прекрасными чтецами. Славился художественным чтением своих произведений Н. В. Гоголь. Этим же даром обладал и известный в 60—70-ых гг. прошлого столетия писатель А. Ф. Писемский. Популярный русский актер и рассказчик И. Ф. Горбунов в своих воспоминаниях передает забавный эпизод из жизни Писемского, связанный с его известностью в качестве прекрасного чтеца.

— Мы с тобою точно дядьки, — сказал он один раз; — нам бы попросить митрополита, чтобы разрешил стихарь надеть. Раз, в начале июня, я, по обычаю, пришел к Писемскому и застал его встревоженным. — Что с вами? — обратился я к нему. — Как, братец, разве не знаешь? По-смотри.

«По приезде моем в Петербург, 9 апреля 1855 года, я в тот же день отправился к Алексею Феофилактовичу Писемскому, с которым познакомился в Москве. Я застал его за работой: он писал свой роман «Тысяча душ». Душевная моя любовь и привязанность к Островскому и Алексею Потехину — его землякам — расположили его ко мне, он полюбил меня и стал мне «в отца место». Я просидел у него целые дни, и весь его роман написан на моих глазах, и несколько глав первой черновой рукописи находятся у меня. Он писал очень скоро, но переделывал написанное очень долго; иные главы переписывались им по несколько раз. Через день или два по моему приезде писатель Д. В. Григорович и он вывели меня в литературный свет, на вечер к А. А. Краевскому, где Писемский должен был читать свой рассказ «Плотиный артель». Здесь я встретил всех светил тогдашней русской

литературы, которых я знал только по хрестоматии Галахова. Мне в первый раз приходилось услышать чтение Писемского, чтеца, которому в то время не было равных, хотя отличных чтецов было бы и немало. За круглым столом, доска которого была расписана рукою знаменитого художника Орловского, разместились слушатели: Жихарев, Лажечников, Никитенко, Е. П. Ковалевский, Ив. А. Гончаров, только что вернувшийся из кругосветного плавания, Мей, Дружинин, Григорович, Галахов, Майков. Писемский развернул тетрадь, испещренную какими-то каракулями (покойник писал отвратительно, хуже его никто не писал, и над пишущими хорошо всегда подтрунивал), и предоставил несколько слов о своем рассказе, начал читать. Это было не чтение, а высокая сценическая игра; каждое лицо выходило, как живое, со своим тоном, со своим жестом, со своей индивидуальностью. Художественное наслаждение было полное, все были в неопisanном восторге. После Писемского я в первый раз выступил в качестве рассказчика сцен из народного быта и был приветствован литературным ареопагом.

В то время был траур по покойном императоре Николае Павловиче; театры были закрыты; лето жаркое; война; скука невыносимая. Алексей Феофилактович каждое утро пересматривал, что написал вчера, читал мне исправленное и знакомил с будущим изложением романа.

И он указал мне на письмо от князя Д. А. Оболенского. Из него я узнал, что мы завтра в два часа должны с ним прибыть на казенный пароход, стоявший на Неве, который нас доставит на фрегат «Рюрик», к великому князю Константину Николаевичу.

— Как что же? — сказал я. — Как! — что? По морю-то плыть — не по Волге! — Да далеко ли тут! — У тебя нервов нет! В шкерах-то там налетит... — Да какие там шхеры!...

Целый день он волновался, а вечером мы отправились на пароход, на котором должны были плыть в Кронштадт, и нам любезно позволили войти на него и осмотреть. Писемский успокоился. — Это пароход серьезный, — утешал он себя, хотя пароход был очень маленький. В назначенное время мы были на пристани и ровно в два часа отошли в Кронштадт. Через полчаса А. Ф. освоился с морем, бояться перестал, а интересовался только знать — видел ли будет неприятельский флот.

А. Ф. Писемский

Вот показался Кронштадт... Все ближе... ближе... Ясное... вот наши суда. «Стоп машина», — раздалась команда. Под паромом забурлило. С фрегата «Рюрик» донеслись через рупор какие-то слова, отвалил катер и направился к нашему пароходу; взяв нас, пошел обратно к фрегату. На фрегате мы были представлены начальствующим лицом. Великий князь находился в кювете; у него был доклад. — Неудобно ли вам осмотреть фрегат, — обратился командир, капитан Баженов. Писемский молча понывовался и пошел, я последовал за ним. Нам показали орудия, ядра, картечи и наконец пригласили на март, откуда простым глазом видны были мачты неприятельского флота, а посредством труб мы узнали, что неприятель сучит белое. Новость впечатлений была очень сильна. Писемский с ужасением смотрел на пушки, но подходить к ним близко не решился и даже сделал мне замечание, когда я внимательно осматривал одно орудие. — Отойди, — заметил он строго.

При входе в кювет мы были представлены молодому великому князю, который так милостиво и любезно встретил нас, что заставил позабыть всякое смущение. — Я с удовольствием читал ваши сочинения, — сказал он Писемскому, — и очень рад, что услышу ваше чтение. Мне говорили, что вы мастерски читаете. — Потом обратился ко мне: — А вы еще юноша... — Только что начинаю, — заметил Писемский нежным отеческим тоном.

Сели на палубе за длинный стол, подали чай, началось чтение. Писемский сначала зачитал робко, вяло, но скоро возобладали над собой и полились «из уст его речи сладчайшие мела». Его высочество неоднократно останавливал чтение и выражал автору свое удовольствие. Рассказ был уже близок к концу, вдруг... глухой пушечный выстрел!... Писемский вздрогнул и побледнел, другой... третий... четвертый... — Начали?! — произнес он простодушно, робко окинув всех глазами. Ему представилась бомбардировка. — Это салют. К неприятелю идет пароход с моря, — успокоили его.

Пальба продолжалась, и Писемский не раньше ее окончания приступил к чтению, но начал читать двумя тонами ниже, так его позаила эта неожиданность. После чтения я рассказал весь бывший тогда у меня репертуар. Обласканные вниманием великого князя, в 11 часов вечера мы поплыли тем же попятком обратно. На пути нас встретил туман, и мы ослепно шли до Петербурга. Писемский всех истерзал. Ему представлялись поволочные камни, мели, а в устье Невы померещились мины. — Туман, братец, — говорил он мне: — наткнешься и полетишь. Однако, Бог нас помиловал: мы прошли благополучно.

Бывали случаи, что иногда и днем мы отправлялись с ним куда-нибудь на чтение. Мы сделали известными чтецами и вошли в моду, нас приглашали в самое высшее общество.

ТЕАТРАЛЬНАЯ АРИСТОКРАТИЯ

Рассказ из дореволюционного прошлого

Около балаганчика, по внешнему виду, в дачной местности, сидят на скамейках, в саду, разговаривали актеры. Часть труппы в это время свяшеннодействовала на репетиции, которая была единственной и в то же время генеральной. С тетрадочкой вышел в сад помощник режиссера и громко спросил: — А где граф де-Вильмор? Он искал актера, игравшего во французской мелодраме роль графа де-Вильмора. — Де-Вильмор поехал к знакомому коммерсанту на дачу по близости! — ответила равнодушно толстая, жирная комик. — Да как же он смел? Я его оштрафую! Его выход! — Поискал фрак просить, ведь граф-то во фраке. — Нашел время! У него всегда история с фраком! У всех просит, а рекомендовался исполнителем французских ролей. — Я говорил, что салонный репертуар нам не по пачу, — высказал свое мнение высокий актер в коломянковом костюме и в черной фуражке, сосавший сигару. — А какой же предпочтень, по вашему, репертуар? — Бытовой! — Бытовой! — передразнил он его. — Здесь публика обеспеченная живет, здесь и пьесы надо давать ковровые. — У вас ковер-то всего один, да и тот дырявый, по которому ходишь с опаской, чтобы не растянуться! — Скажите графу де-Вильмору, что я читаю за него роль, пусть играет без репетиции. Из театра выходит сам директор театра с лицом желтым, как бумага для истребления мух, худой, длинный, с печочкой, украшенной бриллиантовым жетоном с цифрой XXXV. — Как противно играть — и сказать не могу! — произносит он, прикидываясь недовольным. — А зачем же вы, Иван Прохорович, играете? Ухудшаете себя! — вмешивается в разговор комическая старуха. — Просят! Ничего не поделаешь! — Кто просит-то? — удивляется толстый актер. — Публика просит, актеры многие просят. Где у вас бары-то для великосветской гостини? Не вы же? У вас, вон, лакированных ботинок нет. Зарезали в пятницу на спектакле! — Чем же я вас зарезал? — Как же, играли кровного князя и вышли в смокинге при желтых ботинках. Есть же на свете князь, который надел бы желтые ботинки при смокинге! — Вы на нашем барстве помешаетесь! — Да, могу сказать, что я действительно барин, остаток прежних воплотителей барства на сцене! — Все наше барство в том и заключается, что у вас есть старый, лоснящийся шапо-кляк, да красный шелковый платок. — Я всю жизнь из белых перчаток не вылезал! А графа де-Вильмора все нет? Где Петуников? — Фрак ищет! — Только срывают труппу! В прошлый раз даже у эдешнего метр-д'отеля фрак просил. — Откуда нам гардероб-то брать? Вы сколько нам платите? Все заложено. Репетиция заканчивается, высматривают все актеры и актрисы.

— Вот, кстати, госпожа Никудимова, — останавливает антрепренер молодую, смалювую артистку, — у вас необыкновенно грубые, незакаругленные жесты... а вы, ведь, графиня по пьесе! — Я училась в школе у Евдокимова. — Евдокимовское барство! Евтихий Евдокимов — рубашечный актер с ног до головы! Нашли на кого сызлаться. Затем старайтесь французские фамилии произносить как можно больше в нос! — не забывайте, вы во Франции, в ее сердце — в Париже! — Я даже говорю немного по-французски! — А проноса настоящего нет. Уж по части французского проноса спросите у меня! Затем, вы ходите быстро, графиня должна двигаться медленнее и плавнее, павлинообразно. — Ишь, мудрит, каналья! — говорил актер с лукавым лицом потихоньку товарищу. — Барин, а всегда завит, как медушка. — Больше на официанта из барского дома похож. — Кириллов! — крикнул Иван Прохорович молодому актеру, садившемуся на велосипед. — Что нужно? — Вы кого играете? — Виконта де-Мурз. — Так-с, ну так имейте в виду: виконт никогда себе не позволит барабанить пальцами по столу, как вы делаете. Вы — потом родовой аристократии... не забывайте. И не торнитесь садиться!... Нельзя так бросаться на кресла. Спокойно опускайтесь. — Медленный темп взять? — И больше гордости! Берите пример с меня! Я горд, но вместе с тем и прост. В салонах именно необходимо опрощение человека. Да не вздумайте плюнуть, как вы плюнули на репетиции. — Буду стараться. Я привез шапо-кляк. — Им тоже нужно владеть уметь. Госпо-под!... теперь общее замечание! Многие из вас надевают перчатку на правую руку, в левую оставляют обнаженной. Нужно, согласно этикету, делать наоборот.

— Да будет вам курс хорошего тона проходить с вами, — оштрафил комик, — не дети мы начинающие, виды видали, слава Богу! У губернаторов на вечерах бывал, у предводителя дворянства гостил. — Это еще не резон, вы сами доску от этого не приобрели. Варинном нужно родиться. — А вы помните, кем вы родились? — Я помню одно, что все свое детство у отца на золоченных стульях сидел, да на серебре кушал! — Вот хорошо, что запомнили! Купать пора, ко шам манит! Возвратился с потным лицом актер, разсыпавший фрак для роли графа де-Вильмора. — Раздобыл? — спросил антрепренер. — Один уехал, другой на бал собирается, третий уютить фрак отдал. Не мог достать. — В чем же вы выйдете на сцену? — Спрошу портного, не подощет ли он поля у сюртука?... Может быть, не заметят. — Вы зарежете меня! Вы с ума сошли! — В сюртуке позвольте играть. — Графа-то! На обеде в сюртуке! Где хотите достаньте, иначе я заменю вас кем-нибудь. — Кем же вы замените? До Петербурга далеко, а здесь артистов нет. — Берется за воспроизведение салонного жанра и не имеет фрака! У лаяка возьмите, но без фрака эта роль немислима. Высшее общество во Франции особенно чутко и требовательно к туалету. — К гробовщику что-ли пойти, может быть, у него для фальшивиков есть фраки. Во время объяснения все актеры разошлись и Иван Прохорович остался один с сцене не встречаемся? — Иван Прохорович, ведь, мы с вами на сцене не встречаемся? — Так что-же-с? — Одолжите ваш фрак на выход... у вас, действительно, барская вещь. — Но имейте в виду, если я и соглашусь одолжить вам свой фрак, то лишь в виде исключения, чтобы не погубить общего тона великосветской картины. Но в другой раз я вас, пока не покажете фрака, не займу в спектакле! Иван Прохорович громко крикнул проходящему бутафору... — Помните стиль мебели второго акта. — Людовика двадцатого? — Кажется, такого и не было! Словом, мебель Людовика, а которого — это безразлично, ибо у нас всего одна мебель! А. Плещев.

Растут молодые силы русского искусства